

Игорь Шестков "Лаборатория"

ЛАБОРАТОРИЯ

(отрывок)

Прихожу на работу, в институт, почему-то поздно, около одиннадцати утра. В большой светлой комнате – лаборатории – только три человека. Мой шеф и две сотрудницы. Остальные уже сделали ноги. Все трое – неестественно веселы. Как будто под шафе. Глазки масляные. Носы розовые. Губы подрагивают.

Шеф говорит мне: Хорошо, что пришел, ты и подежуришь перед праздником... а мы пойдем домой, нас дети ждут. Салат надо приготовить и селедочку под шубой. В шесть вечера сдай ключи на вахте.

И все трое, болтая и смеясь, покидают лабораторию. Я даже не успеваю крикнуть: Что я должен тут делать до шести?

Впрочем, кому до этого когда-либо было дело?

Обескураженный, я остаюсь... сажусь за стол и безуспешно пытаюсь вспомнить... чем же мы тут занимаемся... Не может такого быть, чтобы пятнадцать человек годами сидели бы тут по восемь часов в сутки и ничего не делали.

Смутно вспоминаются уравнения Лагранжа... Что у них там справа? Ах да, трение... Интегральные многообразия... бифуркационные точки...

Экспериментальная установка, в которой вертелись подвешенные на проволоке странные предметы с полостями, наполненными цветными жидкостями. Чай она варить не умела. Но палец оторвать – запросто.

Да, да, и еще... уличные фонари в желтом тумане... вечная слякоть... тени от прохожих, более плотные, чем они сами... разбораловки по понедельникам... троллейбусы, едущие по ледяному насту, как по Дороге жизни... азиатское равнодушие... хамство... прямоугольное безумие вагонов метро и адский визг тормозов... духота... серые виски и отвислая кожа под глазами у машинистов... измученные лица пассажиров...

А сейчас... в лаборатории нет никаких установок... только одинаковые письменные столы, стулья... и ничего больше... Даже меловой доски нет.

Видимо, все продали в девяностые.

Два портрета на стене... лица смыты...

Через четыре огромных окна... в помещение вливается как пенное молоко, солнечный свет... Режет глаза.

На улице – поезд едет, везет жратву, железо и стройматериалы в подземный город, в кротовую советскую нору.

Сажу... и глажу полированную поверхность стола рукой. Как ветер – Балтийское море. Кто же все-таки изображен на этих портретах?

Встаю и несколько раз обхожу лабораторию. Мне все еще кажется, что я что-то тут смогу найти. Ищу, ищу, как археолог в Долине царей. Открываю ящики письменных столов. В них нет отчетов с фотографиями, логарифмических линеек, таблиц, нет даже писчей бумаги, ручек или карандашей. Все ящики заполнены почетными грамотами.

Пытаюсь прочесть – кому и за что выданы грамоты. Фамилии стерлись, шрифт неразборчив, только красные знамена и лысый череп мертвеца...

Выхожу в коридор. Делаю несколько шагов.

И... все путается... становится неясным, чужим... Теряю ориентацию.

Откуда-то доносится странная музыка. Кото и сямисэн.

От такой музыки птицы машут крыльями, но взлететь не могут.

Мимо меня пробегают две японки в кимоно. Мелкими шажочками...

Как голубые попугайчики...

...

Коридор полон людей и кроликов.

Худые носатые мужчины, лет сорока пяти, с одинаковыми папками под мышками, быстро идут куда-то. На их лицах – подобострастие и предвкушение...

Это клерки из фильма «Бразилия» Гиллиама.

Кролики стоят на задних лапах вдоль стен и с ужасом смотрят в потолок.

В толпе есть и прекрасные дамы. Они ходят кругами. Курят сигареты и шепчутся. Делают страшные глаза.

– Ну я же говорила! Говорила! Говорила тысячу раз! А она! А он!

В свободное от сплетен время дамы считают кроликов.

– Один, три, девять, двадцать семь...

...

Где-то там, в глубине здания, в главном кабинете, сидит паук. Он посылает приказы и выговоры. И все пляшут под его дудку.

Скажет: Пляшите Камаринскую!

Они – руки в боки и давай плясать! Выкаблучивать!

Скажет: По домам!

Все бросят свои папки и умчатся домой. Салаты делать и бульон варить. Из кроличьего мяса.

Он может все! Даже жилплощадь может достать. Но только для себя.

Эгоцентрик.

Заместитель паука – мой старый знакомый. Вместе кислые щи ели и пуговицы делали.

Надо бы к нему обратиться. Он-то знает, он подскажет... укажет...

Если мой шеф покинул Лабораторию ради селедки под шубой, то я должен получить задание от кого-то другого. Младшие всегда получают задание от начальства. Они не могут бездельничать. У бездельников вырастают огромные розовые уши.

Хватаю за рукав первого попавшегося ходока с папкой и спрашиваю: Где тут у вас начальство?

Тот отвечает с неприязненной гримасой: Отпустите меня, разве вы не видите, я занят, занят, занят...

– Вздор, вы все тут только бегаете на перегонки. Дергаете несчастных кроликов за уши, вместо того, чтобы упорно работать над важными для народного хозяйства нашей великой страны проблемами в вашей лаборатории. Как вас зовут? Где ваша серебряная пуговица?

Лицо моего собеседника искажается яростью.

– Отстаньте от меня! Ничего я вам не скажу! Я кавалер бронзовой, слышите, бронзовой пуговицы! Спешу на семинар по искусственному интеллекту. У меня доклад. О том, какой походкой тараканы ходят. Они, знаете ли, вовсе не так глупы, как мы предполагаем. Хитрый народец, эти кукарачи.

...

Мне плохо тут, в коридоре. Японки давно исчезли, музыка замолкла, слышно только грубое шарканье ног о паркет. Клерки и дамы вызывают у меня отвращение. Жалобные взгляды обреченных кроликов терзают душу.

Я хочу возвратиться назад, в мою лабораторию...

Сяду за какой-нибудь стол... буду гладить его полированную поверхность... посмотрю еще раз на портреты, авось вспомню, кто на них изображен... убью время. А в шесть часов сдам ключи на вахту и побегу к метро. Там бесплатно пастилу раздают.

Но... как назло... не могу найти дверь в лабораторию. Все двери одинаковые. Без номеров и табличек.

Ищу, ищу... хожу, хожу...

Запыхался даже. Сердце защемило.

В отчаянии вхожу в первую попавшуюся дверь.

В огромной, похожей на вестибюль аэропорта, комнате стоят рядами маленькие кроватки для новорожденных. Между ними ходят медсестры. Где-то тут лежит и мой сынок. Младенцы режут как морские львы на пирсе 39 в Сан-Франциско.

Невоспитанные дети.

Медсестры бегут со всех сторон ко мне... они возмущены моим вторжением в их суверенные владения... Они вытягивают свои длинные руки, чтобы схватить меня... я вижу их кроваво-красные ногти... горящие ненавистью глаза...

Они кричат: В ступор! В ступор его! В ступор-ступор-ступор!

Где мой сын?

...

Захожу в другую комнату.

Час от часу не легче! Тут нет ни одного живого существа... только ванны...

Грязные, наполненные гадкой жидкостью... ванны.

Сотни, тысячи ванн.

Скоро их будут использовать вместо гробов. Доиграется Европа.

Я опять в коридоре.

Еще одна дверь. Вхожу.

Что это? Церковь. Заброшенная. Готические своды кривятся. Какой-то святой стоит. Позолоченный. Безрукий. Мадонна без головы. Вместо Христа на

Распятии – мертвая кошка.

На алтаре – жабы.

А позади алтаря – корабли, корабли... океанские лайнеры.

Их списали... вот они и столпились. Чтобы на прощание хором песенку спеть.

Про то, как блондинка брюнетку обманула.

«Лаборатория» – это легкий, прозрачный текст. Почти что сон наяву.

Воспоминание трансформируется в нем в видение будущего. Домашняя, доступная каждому, прикладная мистика.

Написал я рассказ ночью, ровно за час, между двумя и тремя часами, так получилось случайно. Потом только поправил немного, не хотел менять канву, сюжет... потому что для меня – и уже давно – не интересен текст, который автор мурыжит и переделывает месяцами или годами... Мне интересен результат эксперимента... плод спонтанной импровизации... что-то вроде дзен-буддистского озарения...

Потому что такой плод – свеж. Даже если текст написан на уже не раз пережеванном материале, как например этот. Все равно он – сюрприз для автора. Сюрприз...

Что делает шпион, чтобы его не поймали? Приходит на вокзал – и садится в первый же попавшийся поезд. Выходит где-то, там, где никто не ожидает его появления. И садится на автобус. Какой-то автобус. Куда он едет, и сам не знает. Кроме того он – делает поступки, тоже спонтанные и потому трудно предсказуемые. Ищейки сбиваются со следа. Потому что в его поведении, в его путешествиях итд – шпион не следует, как мы все, стандартным мотивациям.

Нечто подобное можно делать и при создании текста. Исключить, например, такие мотивации героя как деньги, себялюбие, суетность, глупость, похоть... или наоборот, сделать их гипертрофированными, невероятными итд..... заставить его гадать, подкидывать монетку и метаться если не по земле, то хотя бы по метафизическим просторам, в делах и в мыслях... и творить черт знает что... Цель пишущего должна быть – не просто удивить читателя или самого себя (что само по себе не плохо), а пробраться, сидя на шее у лирического героя, в такие миры, в которые рационально мыслящий человек никогда не попадет. Не может попасть. Добраться до «иррациональной сути жизни», не только существующей, но действующей... и не доступной рациональному познанию... Конечно, перебарщивать тут не надо... но в этом постоянном самоограничении – и есть смысл литературной работы...